

УДК [322:28]+94 (470.44) |1930/1940|

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ КАМПАНИЯ В ОТНОШЕНИИ МУСУЛЬМАН САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В 1930-е ГОДЫ

Ж. В. Яковлева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: jgv1972@yandex.ru

Автор исследует мусульманский аспект антирелигиозной кампании в Саратовском Поволжье в 1930-е гг.: репрессии против священнослужителей и верующих, изъятие мечетей, антирелигиозную агитацию и пропаганду, а также запрещение религиозного образования. В ходе кампании религиозная жизнь мусульман была существенно подорвана, но не сломлена. Она приобрела новые формы полулегального существования.

Ключевые слова: ислам, мусульмане, Саратовское Поволжье, 1930-е гг., антирелигиозная кампания, закрытие мечетей, агитация и пропаганда, репрессии.

The Anti-religious Campaign against Muslims of Saratov Volga Region in the 1930s

Zh. V. Yacovleva

The author investigates the Muslim aspect of the anti-religious campaign in Saratov Volga region in the 1930s: repression of the clergy and the faithful, the removal of mosques, anti-religious agitation and propaganda, and prohibition of religious education. During the campaign, the religious life of the Muslims has been significantly undermined, but not subdued. It acquired new forms of semi-legal existence.

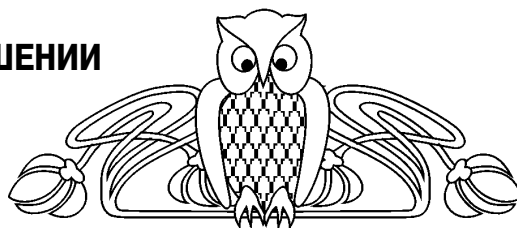
Key words: Islam, muslims, Saratov Volga region, 1930s, anti-religious campaign, mosques closure, agitation and propaganda, repression.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-127-132

В многоконфессиональном обществе Саратовского Поволжья до 1941 г. по численности верующих ислам находился на четвертом месте, уступая православию, протестантизму и католицизму.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., на территории Саратовского Поволжья (Саратовская губерния, Республика немцев Поволжья, Пугачевский уезд Самарской губернии) проживало 118,5 тыс. человек татарского населения, 6,3 тыс. казахов и 4 тыс. башкир. Остальные приверженцы ислама исчислялись единицами и десятками. Следовательно, в Саратовском Поволжье на тот период насчитывалось примерно около 130 тыс. мусульман¹.

Мусульманское население проживало в основном в сельской местности. В Саратовском Поволжье насчитывалось около 150 мечетей, которые обслуживали примерно столько же мулл и свыше 400 человек другого мусульманского духовенства.

Татары компактно проживали в Базарно-Карабулакском, Дергачевском, Ершовском, Петровском районах. Некоторые села в этих районах были чисто татарские. Достаточно много татар проживало в Саратове, Хвалынске². Казахи проживали в восточных районах Саратовской губернии, башкиры – в Пугачевском уезде.

Отношения большевиков с мусульманами в период образования и становления Советского государства складывались более лояльно, чем с другими конфессиями. 20 ноября (3 декабря) 1917 г. председатель Совнаркома В. И. Ленин и нарком по делам национальностей И. В. Сталин подписали обращение Совнаркома Российской Советской Республики «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В обращении говорилось о свободе и неприкосновенности мусульманских национальных и культурных учреждений, о праве мусульман устраивать свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Отныне, говорилось в обращении, права мусульман, как и права всех народов России, защищают Советы, революция и ее органы. Главной идеей обращения, таким образом, было то, что Октябрьская революция принесет всем народам Востока освобождение³.

Обращение открыто показывает, что большевики своими предпочтениями мусульманам пытались обеспечить их лояльность. Не прошло, однако, и двух месяцев, как Совнарком РСФСР 23 января (2 февраля) 1918 г. принял декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁴.

Естественно, что этот декрет мусульманским духовенством и простыми верующими был воспринят негативно, однако медленная и непоследовательная реализация декрета в годы Гражданской войны смягчили это недовольство.

Изучение мусульманского вероучения проводилось на разрешённых государством основах, оно переживало наряду с запретами и периоды некоторого смягчения. Тем не менее по уездам Саратовского Поволжья до 1928 г. шел строгий контроль за легальным и нелегальным религиозным обучением, все школы вероучения находились на счету и строго контролировались⁵.

Например, в селе Бичеево Кузнецкого уезда была обнаружена одна нелегальная школа преподавания мусульманского вероучения детям в возрасте от 10 до 14 лет муллой Аникеевым. Были предприняты соответствующие меры: «привлечение виновных к ответственности» и

закрытие данной школы. Нелегальная школа была также обнаружена в селе Новая Елюзань того же уезда, материалы на виновных были переданы в народный суд⁶.

В 1927/28 учебном году в Саратовском Поволжье функционировало три школы мусульманского вероучения с количеством обучаемых 100 чел. (сведения неполны. По ориентировочным данным, в нелегальных школах обучалось до 200 чел.)⁷.

В конце 1920-х гг. произошла замена принятой среди советских тюрок арабской письменности латинизированным алфавитом – «яналифом». Одной из целей этой замены была попытка оградить рядовых мусульман от религиозной литературы на арабском языке⁸. Эта замена натолкнулась на определенные трудности. В 1929 г. партийные активисты писали, что в Нижне-Волжском крае очень мало антирелигиозной литературы на яналифе, а также недостаточно кадров, которые могли проводить антирелигиозную агитацию среди мусульман⁹. В сводке Союза воинствующих безбожников за тот же год о религиозном состоянии районов в качестве примера сопротивления новой системе образования приводится факт, когда некто Сабир Яваев «под влиянием муллы», не выступая против самого яналифа, требовал замены в нем латиницы на кириллицу¹⁰. Представляется, что это требование вытекало из чисто практических соображений. Татарский крестьянин знал русский язык, а значит, и кириллицу, но ему совершенно не была знакома латиница. Парадоксально, но Яваев требовал того, что буквально через десятилетие было воплощено в жизнь на государственном уровне. После 1938 г. татарская письменность была переведена на кириллицу.

С конца 1920-х гг. антирелигиозная политика государства начинает ужесточаться, при этом ислам ставится в один ряд с другими религиями.

В 1927 г. в стране вступил в действие новый уголовный кодекс, согласно которому всякая организованная деятельность, направленная на свержение, подрыв или ослабление советской власти, в том числе *с использованием религиозных или национальных предрассудков масс*, влекла высшую меру защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества, лишением гражданских прав и изгнание из пределов СССР навсегда¹¹. Любой религиозной деятельности легко было придать антисоветский характер и подвести ее под эту статью, что и делалось на практике.

Постановлением Президиума ЦИК СССР от 30 мая 1928 г. все ранее разрешенные смягчения в области религиозного образования были аннулированы. Закрываются мусульманские религиозные школы, запрещаются любые формы религиозного образования¹².

При этом партийно-советское руководство центрального и регионального уровней предостерегало свои органы на местах от поспешных и

необдуманных действий в отношении верующих. В частности, в том же 1928 г. агитационно-пропагандистский отдел Нижневолжского крайкома ВКП(б) писал всем окружкам, райкомам и ячейкам ВКП(б) Нижневолжской краевой организации об имеющем место «искажении линии партии», выражавшейся в закрытии церквей, мечетей, молитвенных домов без предварительной агитационно-пропагандистской работы, с использованием лишь административных мер. Низовым парторганизациям ставилось в укор также закрытие храмов «чохом», когда закрывались одновременно для «справедливости» православные храмы, мечети, синагоги, молитвенные дома.

Как отмечалось в письме, к каждой конфессии необходимо подходить дифференцированно. Уравнительный метод сугубо вреден и затрудняет борьбу с религией. «Вместо того, чтобы на основе конкретного учета особенностей различных религиозных групп нам разными методами их бить, не отказываясь в то же время и от использования существующей между ними вражды, мы такими действиями их объединяем, организуем сами же против себя»¹³. Последняя фраза весьма показательно характеризует подлинную политику коммунистической власти в отношении религиозных конфессий.

Действительно, различные религиозные организации, несмотря на возникающие иногда внутренние противоречия, в борьбе за свои права сплачивались и выступали единым фронтом. В выписке из заседания протокола агитационно-пропагандистского отдела Нижневолжского крайкома ВКП(б) от 2 апреля 1929 г. констатируется, например, что в Балашовском округе и в АССР немцев Поволжья, несмотря на «усиленную борьбу разных религиозных течений между собой (церковники, сектанты, мусдуховенство и буддисты), [они] проявляют полное единство своей борьбы против советской власти»¹⁴.

Отправной точкой нового витка антирелигиозной политики, в том числе антиисламской политики, стали постановление ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. «О мерах по усилению антирелигиозной работы», а также постановление Всероссийского Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях»¹⁵. С помощью этих документов стало гораздо проще контролировать «религиозный вопрос» и проводить антирелигиозную политику, опираясь на «советскую законность». Постановления практически уравнили в своем бесправии все существовавшие в СССР конфессии. Борьба с исламом в Саратовском Поволжье существенно активизировалась. Если раньше закрытие культовых сооружений мусульман, переоборудование их под национальные клубы, разборка под строительные материалы или просто снос, целиком или частично, были явлениями относительно единичными,

то теперь они приобрели массовый характер.

Культовые сооружения должны были закрываться постановлением крайисполкома, но часто местные власти делали это самовольно, например, санкцией райисполкома с подачи сельского совета. Церкви, мечети и молельные дома переоборудовались под другое функциональное предназначение (чаще всего, в клубы), разбирались на строительные материалы. Одним словом, они переставали существовать еще до решения крайисполкома. За такое самоволье рьяные боготоры получали взыскания от вышестоящих партийно-государственных органов, их журили за поспешные решения, нарушение советской законности, однако изменить уже ничего было нельзя. Происходило это по той простой причине, что получить взыскание за «перегибы» в борьбе с церковью было гораздо менее опасным делом, чем быть обвиненными в отступлении от генеральной линии партии в борьбе с религией.

Порой многие годы реальное закрытие и даже уничтожение мечетей, храмов других конфессий юридически не оформлялось. В середине 1930-х гг. этим фактом попытались воспользоваться некоторые общины верующих, отправляя в соответствующие органы власти прошения о передаче им отобранных ранее церквей для использования их по прямому назначению. Такие действия находились в рамках законодательства СССР и РСФСР.

В мае 1929 г. XIV Всероссийский съезд Советов внес поправку в ст. 4 Конституции РСФСР, которой разрешалась свобода религиозных исповеданий и свобода антирелигиозной пропаганды. Под исповеданием понималось исполнение религиозных обрядов и возможность религиозных проповедей. И хотя Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» своими жесткими условиями создания и функционирования религиозного объединения фактически сводило это право верующих на нет, тем не менее, попытки реализовать свои права верующие все же предпринимали.

По Конституции СССР 1936 г. в ст. 124. прямо провозглашалось, что «в целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами»¹⁶. Более того, по Конституции священнослужители получали права всех советских людей, включая право участия в выборах органов власти. Эти положения Конституции вызвали еще большее стремление верующих вернуть себе отобранные у них культовые сооружения. Движение за возвращение храмов, в том числе и мечетей, стало для власти неприятной реальностью, с которой надо было бороться законными методами.

Одной из форм такой борьбы стало ускоренное юридическое оформление закрытия ранее ото-

бранных у верующих храмов. Чтобы верующие не имели возможности возобновить в незакрытых зданиях, которые считались по закону функционирующими, богослужения, к середине 1930-х гг. возникла и фактически стала постоянной практика центральных и региональных органов власти – торопить местные власти с юридическим закрытием культовых сооружений.

Приведем пример. 16 апреля 1935 г. председателю Хвалынского райисполкома из Саратовского крайисполкома пришло напоминание о том, что в районе бездействует ряд церквей (в том числе мечеть в г. Хвалынске), но закрытие этих культовых сооружений не оформлено в соответствии с законом. Крайисполком выражал недовольство тем, что, несмотря на многочисленные напоминания и заверения в ответ о немедленном предоставлении всех необходимых для закрытия документов, процесс закрытия этих церквей (мечети в том числе) стоял на месте¹⁷.

Естественно, что такие напоминания заставляли местные власти ускорять процесс юридического закрытия культовых сооружений. С 1937 г. он принял лавинообразный характер, что видно из таблицы.

В таблице перечислены далеко не все мечети Саратовского Поволжья. Однако даже приведенные примеры подтверждают отмеченный выше факт о том, что многие мечети были фактически закрыты и даже уничтожены намного раньше, чем произошло юридическое оформление этих актов.

Исследованные документы говорят о том, что храмы всех конфессий, включая и мечети, закрывались вместе, часто едиными списками. Таким образом, в 1930-е гг. власть уже не делала нюансов в своей антирелигиозной политике.

Одним постановлением вместе с мечетью в Хвалынске были закрыты три старообрядческих молитвенных дома, несколько православных храмов, часовня. Как и мечети, некоторые культовые сооружения других конфессий из этого списка были сломаны, другие переоборудованы. Постановление, закрывавшее мечеть г. Новоузенска, одновременно закрывало лютеранский храм в с. Таловка (Байдек) в АССР немцев Поволжья (он был переоборудован под «народный дом» еще в 1918 г.), молитвенный дом баптистов в с. Куриловка (также был переоборудован под «народный дом»), дом молокан в г. Новоузенске (его переоборудовали под жилой дом)¹⁹.

Чтобы остановить процесс религиозного возрождения, мусульманское духовенство вместе с духовенством других конфессий стало арестовывать, обвинять в антисоветской деятельности и приговаривать к высшей мере наказания. Так, в 1937 г. были репрессированы руководители Саратовской мусульманской общины Якуб Давыдов и Абдурахман Ляпин²⁰. В 1940 г. – мулла центральной соборной мечети Саратова С. К. Касимов²¹.

Закрывание мечетей в Саратовском Поволжье в 1930-е гг.¹⁸

Место расположения мечетей	Кол-во мечетей	Закрываются фактически	Закрываются официально	Судьба мечети
Октябрьский район г. Саратова (ул. Серова, 14)	1	1928 г.	18.12.1929 г.	Переоборудована под национальный татарский клуб
с. Новая Елюзань Балаковского района	1	1930 г.	20.06.1934 г.	Переоборудована под амбулаторию
с. Алтата Ново-Репинского района	3	До 1933 г.	Февраль-март 1935 г.	Одна мечеть переоборудована под хранилище зерна, две разобраны на стройматериалы
Новоузенск	1	1920 г.	2.04.1937 г.	В 1925 г. разобрана на стройматериалы
Хвалынский	1	1928 г.	22.02.1937 г.	Переоборудована под клуб
д. Новый Вершаут Петровского района	1	1929 г.	1935 г.	Разграблена, передана под клуб
с. Татарская Пакаевка (Уразметовка) Петровского района	1	1929–1930 гг.	1935 г.	Разграблена, передана под школу (по другим данным – под клуб)
ст. Варшаута Лопатинского района	2	До 1933 г.	1937 г.	Разграблены, использовались под хранение зерна, другие хозяйственные нужды
с. Суляевка Лопатинского района	5	До 1933 г.	1937 г.	Разграблены, использовались под хозяйственные нужды
Центральная мечеть Саратова на ул. Татарской (совр. ул. Зарубина).	1	Декабрь 1938 г.	Декабрь 1938 г.	Разрушена, снесен минарет

Как и по всей стране, в Саратовском Поволжье, наряду с массовым закрытием мечетей, арестами священнослужителей, запрещением религиозного образования, повсеместно насаждался атеизм при помощи агитации и пропаганды. Национальные меньшинства: татары, казахи, нагайцы проживали в крае в большом количестве и, по мнению краевого руководства, «религиозные бытовые пережитки» были еще сильны среди этого населения²².

Основная антирелигиозная агитация и пропаганда возлагалась на Союз воинствующих безбожников (далее – СВБ). Обычно он развертывал свою работу накануне и в период мусульманских постов и крупнейших праздников: Ураза-байрам и Курбан-байрам. Такую работу обычно увязывали с выборами в Советы, другими текущими политическими и хозяйственными мероприятиями. Работа СВБ по замыслу должна направляться на отвлечение от постов и праздников.

Указания по борьбе с мусульманскими праздниками, поступающие из года в год, носили очень похожее содержание²³. Ислам должен был преподноситься трудящимся как мир невежества, фанатизма и представляться тормозом социалистического строительства, контрреволюционной силой.

В директивных письмах из центра «безбожников» предупреждали, что муллы вместе с кулаками, баями, нэпманами будут активно заниматься агитацией против советской власти, пятилетних планов развития народного хозяйства, объяснять населению, что все мероприятия советской власти и строительство социализма противоречат учению Корана и воле Аллаха.

Муллы, по мнению организаторов антиисламской кампании, не выступали открыто против

советской власти, но, пользуясь авторитетом у населения, агитировали за религиозное обучение детей, за плату служителям культа и их поддержку. В религиозные праздники они, используя свое влияние, могли агитировать против закрытия мечетей, за старые религиозные школы – мектебы и медресе, против культпохода, «отрывать рабочих от работы изнурительными постами», а следом – обжорством в сам праздник, «подтачивать организм пролетарской трудовой семьи»²⁴.

В отличие от предыдущих основной акцент антирелигиозного мероприятия в 1936 г. был сделан на будущей Конституции, достижениях советской власти и перечислении тех бед, которые несет в себе ислам. В письме приведен отрывок текста Емельяна Ярославского о том, что заявление «воинствующей церкви» о нерушимости церкви звучит теперь смешно и «их песенка в ближайшее десятилетие будет спета не только в СССР, но и других странах»²⁵. В письме также приведено мнение председателя ВЦИК М. И. Калинина по поводу предоставления избирательных прав (выбирать и быть избранными), в силу чего «противникам» (так именуются священнослужители) предоставляется возможность участия в общественной жизни, открывается возможность воздействия на них широких масс²⁶.

Основными мероприятиями в агитационно-пропагандистской борьбе с исламом были громкие читки, доклады и лекции о «классовой сущности» ислама, о вредности религиозных пережитков и постов, о вредности религии по отношению к обороне страны и производству, для чего привлекались «политически выдержанные» докладчики. К участию в проведении кампании привлекались комсомольские, профсоюзные и общественные

организации. Проходили мероприятия на предприятиях, в колхозах, совхозах, даже в тех населенных пунктах, где национальных меньшинств было совсем мало.

«Безбожники» проводили также «индивидуальную и групповую обработку верующих производственников – мусульман и членов из семей» в дни самих праздников. В дни Байрама пытались добиться 100%-ной явки на работу. Одной из форм проведения кампании были индивидуальные беседы на квартирах «знатных людей предприятий» и «ударников социалистических полей», привлекались к мероприятию и единоличники. В школах среди учеников и их родителей также проводилась работа по «разъяснению кулацкой сущности Уразы». Велось наблюдение за учениками, соблюдавшими пост (они не пользовались горячими завтраками в школе), с ними проводились беседы о вреде религии, ее антинаучности и реакционности.

Несмотря на антирелигиозную политику и репрессии, религиозная жизнь мусульман в городах и селах Саратовского Поволжья в 1930-е гг. продолжалась. Так, в Саратове в праздник Курбан Байрам, проводившийся в период с 20 декабря 1937 г. по 20 января 1938 г. организовывалось проведение этого праздника на территории Волжского, Фрунзенского, Октябрьского районов с жертвоприношением. Число зафиксированных жертвоприношений в Саратове с каждым годом возрастало: в 1932 г. – 9, в 1934 г. – 20, в 1937 г. – 37 случаев²⁷.

В докладной записке председателя Саратовского областного организационного бюро СВБ А. Пашина от 20 февраля 1938 г., направленной в бюро Саратовского горкома ВКП(б), говорится об активности священнослужителей православного, магометанского, иудейского вероисповедания. Верующее население собирало средства и к 1938 г. в г. Саратове были отремонтированы: здание мечети, синагоги, католическая и старообрядческая церкви. На татарском кладбище в 1939 г. имелся сторож Муслимов, который превратил сторожку в здание для проведения религиозных обрядов²⁸.

По мнению Саратовского городского оргбюро СВБ, такие явления нарастания религиозной активности среди населения, исповедовавшего ислам, и активизации мусульманского духовенства происходили из-за плохой агитационно-пропагандистской работы среди населения ячейками СВБ, профсоюзные, комсомольские организации активно не помогали в антирелигиозной пропаганде и агитации. Как представляется, причина кроется в другом – одним «кавалерийским наскоком» коммунистической власти, пусть даже и жестоким, искоренить религиозные традиции, сформировавшиеся много веков назад и переходившие из поколения в поколение, было невозможно.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в 1930-е гг. религиозная жизнь мусульман

Саратовского Поволжья находилась в сложном состоянии. Результатом антирелигиозной кампании стало уничтожение системы религиозного образования, преследованию подверглись бытовые религиозные традиции, были закрыты с дальнейшим переоборудованием или сломаны на строительные материалы почти все мечети, репрессированы и расстреляны мусульманские священнослужители. Тем не менее религиозная жизнь, приняв нелегальные или полунелегальные формы, все же сохранялась.

Примечания

- 1 Подсчет сделан автором на основе статистических данных. См.: Всесоюзная перепись населения СССР 17 декабря 1926 г. : Краткие сводки. Выпуск 4 : Народность и родной язык населения СССР. М., 1928. С. 67, 69 ; Список населенных пунктов Самарской губернии с алфавитным указателем. Составлен по материалам Самарского губстатотдела согласно последней переписи. Самара, 1928. С. 11, 164–186.
- 2 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 94.
- 3 См.: Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока // Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917–1958 гг.). М. : Изд-во МГУ, 1966. С. 57.
- 4 Декрет СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви // Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917–1958 гг.). С. 68.
- 5 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 176. Л. 3.
- 6 Там же.
- 7 Гусева Ю. Н., Рябов В. В. Особенности духовной жизни мусульманских приходов Среднего Поволжья в 1920-е гг. // Вестн. Моск. городского пед. ун-та. 2012. № 2(10). С. 71.
- 8 Яналиф – новый тюркский алфавит (НТА), проект перевода всех тюркских языков на единообразный алфавит на основе латиницы, предложенный в конце 1920-х гг. в рамках общесоюзного проекта латинизации. Был официально введен в 1928 г. в тюркоязычных республиках и автономных республиках СССР взамен алфавитов на основе арабского. В 1938–1940 гг. форсированными темпами заменен на алфавиты на основе кириллицы. В настоящее время не используется.
- 9 См.: ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 111. Л. 38 об.
- 10 См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 3. Д. 73. Л. 32.
- 11 См.: Антирелигиозник. 1935. № 6. С. 56, 57.
- 12 См.: Гусева Ю. Н., Рябов В. В. Указ. соч. С. 70.
- 13 ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 96, 97.
- 14 ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 111. Л. 43.
- 15 О религиозных объединениях : Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР, 8 апреля 1929 г. URL://http://www.1000dokumente.

- de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0007_rel&object=translation&st=&l=ru (дата обращения: 18.03.2016); IV расширенный пленум ЦС СВБ 1–4 февраля 1938. М.: ОГИЗ, 1938. С. 48–49.
- ¹⁶ Конституция (Основной Закон) СССР. URL:// <http://док.история.рф/20/konstitutsiya-sssr-1936-goda/> <http://док.история.рф/20/konstitutsiya-sssr-1936-goda/> (дата обращения: 08.05.2016).
- ¹⁷ См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 151. Л. 414.
- ¹⁸ Таблица подготовлена автором на основе архивных материалов. См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 137; Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 146. Л. 39; Д. 147. Л. 152, 153, 336, 378, 379, 380, 416; Д. 211. Л. 217, 219; Д. 151. Л. 249, 425; Д. 243. Л. 276, 277.
- ¹⁹ См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 151. Л. 425.
- ²⁰ См.: Семенов В. В. Ислам в Саратовской области. М.: Логос, 2007. С. 13–14.
- ²¹ См.: Мечеть на Татарской улице. URL:// <http://elsso.ru/cont/cul/1112.html> (дата обращения: 17.03.2016).
- ²² См.: ГАСО. Ф. 522. Оп. 3. Д. 191. Л. 1.
- ²³ См.: ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 1. Л. 24; Д. 5. Л. 26.
- ²⁴ ГАСО. Ф. 522. Оп. 3. Д. 191. Л. 1.
- ²⁵ ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.
- ²⁶ Там же. Л. 33. Текст обращения М. И. Калинина был опубликован. См.: Известия. 1936. 6 июля.
- ²⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 6159. Оп. 1. Д. 9. Л. 33, 38.
- ²⁸ Там же. Л. 31, 39, 50.

Образец для цитирования:

Яковлева Ж. В. Антирелигиозная кампания в отношении мусульман Саратовского Поволжья в 1930-е годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 127–132. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-127-132.

Cite this article as:

Yacovleva Zh. V. The Anti-religious Campaign Against Muslims of Saratov Volga Region in the 1930s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 127–132 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-127-132.
